

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «СУВЕРЕНИТЕТ» В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Раскрывая смысловое содержание политико-правовой категории «суверенитет» в юридическом плане, рассматривая суверенитет как признак государственной власти, прежде всего, следует иметь в виду контекст диалектического единства волевого содержания и нормативной формы. Важно учитывать, когда мы говорим о суверенитете, что любая социальная власть не может существовать вне нормативности человеческого сознания, вне нормативной формы. Поэтому нормативная правовая форма – это способ существования суверенной власти государства.

Именно в таком содержательном аспекте следует рассматривать публичную власть вообще, которая как воля проявляется в волевых решениях, в целенаправленном поведении, то есть в государственной деятельности по разным направлениям, как способность осуществлять функции государства. Следовательно, так называемых «видов суверенитета» предлагаемых в разных исследованиях будет ровно столько, сколько мы будем выделять функций государства и, соответственно, классифицировать их можно по тем же теоретико-правовым критериям, что и функции государства.

Но по сути своей «суверенитет» – это качество субъектности, которое мы, юристы определяем ещё как «дееспособность». Дееспособность проявляется и воспринимается в разных областях как акт волеизъявления, целенаправленно изменяющий материальный мир в разных сферах социальной жизнедеятельности. Проявляется эта государственная дееспособность также как воля к внутренней организации в волевых общественных отношениях императивного и диспозитивного характера, как

публичная самоорганизация и государственное управление, государственное саморегулирование.

Кроме того, дееспособность проявляется также во внешних отношениях, в международном общении. Поэтому часто используются парные категории «внутренний суверенитет» и «внешний суверенитет». Это конечно не является точным обозначением, но вместе с тем отражает проявление сущности суверенитета как дееспособности во внутренней сфере деятельности и во внешней сфере, где эта дееспособность в субъектных отношениях проявляется, прежде всего, как договороспособность. Но может быть и императивным, подчиняющим воздействием.

Кроме того, если мы говорим о суверенитете в волевом аспекте, то должны учитывать, что это публичная воля, основанная на организационном единстве – это качество коллективной, публичной субъектности.

Такое единство, прежде всего, выражено в понятии легитимности, во всеобщности признания власти в котором поглощается меньшинство. И здесь не имеет принципиального значения форма правления – монархия или республика. Важен фактор самой легитимности власти, какой бы легитимность не была – основанной на религиозной традиции или на рациональном выборе (на всеобщем избирательном праве, характеризующем парламентаризм). Важно всеобщее, публичное признание власти, осознание необходимости и целесообразности подчинения, согласие с ней в смысле не противодействия. Без легитимности суверенитет – это лишь момент в истории, казус как исключение из общего правила. Такое бывает, например, в случае узурпации власти.

Во внутреннем и внешнем проявлении суверенитет как дееспособность выражается в самостоятельности принятия волевых решений. Это не тождественно понятию независимости, которое требует постоянной предметной конкретизации, а об абсолютной независимости речь конечно вообще не идёт. Стремление к абсолютной независимости усматривается либо в стремлении к мировому господству, либо к полной автаркии и

самоизоляции. И то и другое противоречит коллективной сущности человека как вида.

В международных отношениях, то есть во внешнем проявлении самостоятельность всегда обусловлена ресурсом – человеческим, материальным, организационным, научным. Но самое главное силовым – военным потенциалом обеспечивающим безопасность в социальных отношениях, от социальных угроз.

И в этой связи надо понимать, что сама концепция суверенитета зарождалась, формировалась в условиях феодального способа хозяйства и соответствующих ему государственных возможностей противодействия как внутренним, так и внешним угрозам.

В современных условиях в контексте соотношения экономических и силовых потенциалов, классическое понятие суверенитета может быть распространено лишь на некоторые политико-правовые формы социальной организации, которые способны участвовать в волевых отношениях в качестве субъектов с внешне неограниченной дееспособностью.

Поэтому классическое понятие суверенитета, как сущностного признака государства, стало, по сути, подменяться понятием «международная правосубъектность». Или «международная субъектность», которые следуют из международного признания посредством юридической процедуры Организации Объединенных Наций. При этом в основу таких решений положена не оценка волевых качеств и ресурса самостоятельного существования, а политическая целесообразность.

Такими образом появился некий политический статус «не суверенного государства» или «государства с ограниченным суверенитетом». Фактически возникли новые международно-правовые формы режимов территориального управления (территориальные администрации), которые в юридическом плане недееспособны или ограниченно дееспособны, то есть не способные в полной мере отдавать отчёт своей деятельности, не несут собственную

ответственность, не самостоятельны при принятии решений, а значит и не договороспособны в понимании международного публичного права.

Возникли два контекста понимания суверенности – собственно юридический и политико-дипломатический.

В рамках последнего, отсутствие суверенитета рассматривается как поражение в праве на самостоятельное существование, а в дипломатическом плане отсутствие суверенитета имеет некое уничижительное смысловое значение. При этом обязательно все субъекты международных отношений, в политическом и дипломатическом общении должны характеризоваться уровнем государственной организации и некой степенью суверенности. В дипломатическом устремлении избежать уничижительного контекста, территориальные режимы управления уважительно называются государствами, но с так называемым «ограниченным суверенитетом», а по сути, с ограниченной дееспособностью.

Но там где субъектность рассматривается как недееспособная, или ограниченно дееспособная, там всегда формируются институты представительства интересов, опеки и попечительства. Что мы собственно и наблюдаем сегодня в международных отношениях. А содержанием такой правовой формы часто является то, что принято называть также внешним управлением а, в конечном счете, проявлением неоколониализма.

Когда мы рассматриваем суверенитет формально-юридически, то есть уже не публичную власть как таковую, а её нормативную форму, то исходим из того, что всеобщая публичная воля формируется как легитимный, рациональный (осознанный, осмысленный в принятии) закон, на основе которого оформляются институты социального управления собственно уже как государственный аппарат, как государство. И возвращается публичная воля к нам уже как публичная государственная власть, основанная на организованном государственном принуждении, как рациональное регулирование, правление, управление посредством распределения обязанностей и прав (субъективных, волевых возможностей). То есть

формируется нормативная система позитивного права с её институтами отраслями и т.д. С осмыслением содержания правовых норм и практики их реализации формируется и общественное правосознание, а в целом образуется то, что мы называем национальной правовой системой. Это и есть наш юридический план внутренней структуры, внутреннего проявления государственного суверенитета.

При этом в основу этой системы положены нормативные аксиомы выражающие сущность суверенитета – верховенство закона, законность, всеобщее равенство перед законом, презумпция знания закона и т.д.

И важно то, что принципы, на которых основана правовая система, а для нас – это, прежде всего конституционные положения, должны быть подчинены таким аксиомам государственного суверенитета как *внутреннее публичное (национальное) единство, верховенство государственной власти, её самостоятельность*. Эти аксиомы должны коррелировать с конституционными принципами организации государственной власти и принципами отношения публичной власти с институтами гражданского общества.

При этом, что также важно для нас, должны учитываться традиции как исторический опыт народов. Но при этом национальные традиции не должны конкурировать между собой и претендовать на верховенство, что противоречит сущности суверенитета, его перечисленным основам. Поэтому, под суверенитетом, то есть под верховенством государственной власти возможные противоречия снимаются. Их нивелирование – это следствие осознания витальной необходимости единства и равенства перед нормой закона.

Из такого понимания следует и наша скептическая оценка конституционной формулировки разделения властей и верховенства прав человека – прав человека как «*высшей*» ценности и т.д. Соответственно перспективные изменения содержания основного закона государства, как основной суверенной нормы не могут не затронуть эти конституционные

положения, противоречащие самой сущности государственного суверенитета.